

*Посвящается моим родителям,
мистеру и миссис Фейто*

Сплетники заговорили тише,
Хотят, чтобы слухи стали
достоверными.

Дилан Томас. «Сплетники»

Глава I

Джордж Марч написал еще одну книгу.

Это был большой том, на обложке — картина маслом кого-то из средневековых голландских художников с изображением молодой служанки, которая робко прикасается рукой к собственной шее. Миссис Марч прошла мимо весьма внушительной пирамиды книг мужа в твердой обложке, выставленной в витрине одного из книжных магазинов поблизости от их дома. Скоро эту книгу назовут *magnum opus*¹ Джорджа Марча, и она — о чем миссис Марч было неизвестно — уже пробиравалась во все рейтинги лучших книг и произведений, рекомендуемых книжными клубами, продавалась даже в менее посещаемых книжных магазинах, вдохновляла людей с энтузиазмом ее рекомендовать друзьям. Фраза «Вы читали новую книгу Джорджа Марча?» в последнее время использовалась для того, чтобы завязать разговор на коктейльных вечеринках.

Миссис Марч направлялась в свою любимую кондитерскую — очень миленькое заведение с красным навесом и покрашенной белой краской скамейкой пе-

¹ *Magnum opus* — великая, лучшая, наиболее успешная работа ученого, писателя, художника (лат.). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ред ним. День был прохладным, но вполне терпимым, и миссис Марч не торопилась, восхищаясь видом теперь голых деревьев, стоявших вдоль улиц, бархатистыми пуансеттиями, украшавшими магазинные витрины, наблюдала за жизнью людей сквозь окна городских домов.

Дойдя до кондитерской, она взглянула на свое отражение в стеклянной двери перед тем, как толкнуть ее и войти. Звончок, сопровождавший открывание двери, возвестил о ее появлении. На нее сразу же дыхнуло — не только жаром от печей и плит в кухне, но и горячим дыханием, и теплом, исходившим от тел многочисленных посетителей. К прилавку тянулась длинная очередь, змеей петлявшая вокруг нескольких столиков, неровно расставленных по залу. За ними сидели парочки или оживленно что-то обсуждающие бизнесмены, все пили кофе или завтракали и громко разговаривали, не обращая внимания на других.

У миссис Марч участился пульс из-за предательского возбуждения и настороженности, которые она всегда чувствовала прямо перед тем, как приходилось взаимодействовать с другими людьми. Она встала в очередь, улыбаясь незнакомым людям вокруг, и сняла лайковые перчатки — рождественский подарок от Джорджа, который она получила два года назад. Они были очень необычного для перчаток цвета — мятно-зеленого и бросались в глаза. Она сама никогда не выбрала бы этот цвет, не осмелилась бы, посчитав, что не сможет их носить. Но ее приводила в возбуждение мысль о том, что незнакомые люди, видя эти перчатки у нее на руках, предполагают, что она — беззаботная, уверенная в себе женщина, способная сама выбрать для себя такой цвет.

Джордж купил эти перчатки в «Блумингдейлс», и это до сих пор не переставало ее удивлять. Она представляла Джорджа у прилавка с перчатками, когда тот добродушно подшучивает над обслуживающими его продавщицами, они ему льстят, а он совершенно не смущается оттого, что делает покупки в женском отделе. Один раз она сама попыталась купить нижнее белье в «Блумингдейлс». Тот летний день был невероятно жарким, блузка прилипла к спине, а сандалии к тротуару. Казалось, что вспотели даже дороги!

В середине рабочего дня «Блумингдейлс» в основном посещали обеспеченные домохозяйки. Эти женщины приближались к вешалкам с одеждой вяло и неторопливо, слегка хмурились, на пастельно-розовых губах появлялись недовольные улыбки — словно на самом деле они не хотели никуда идти, не хотели находиться здесь, но... Ох, этого просто не избежать, ничего не поделаешь, ну что ж, придется что-то померить, может, и купить несколько вещиц. Они создавали особую ауру, которая пугала миссис Марч гораздо больше, чем та, что проникала в универмаг по вечерам, когда работающие женщины бросались к стойкам и вешалкам, делая это совсем непривлекательно и, казалось, забыв о чувстве собственного достоинства. Они быстро перебирали висевшую на вешалках одежду, и им было плевать, если какие-то вещи падали на пол. Они не удосуживались их поднять.

В то утро в «Блумингдейлс» миссис Марч проводили в большую примерочную, оформленную в розовых тонах. В углу стояла массивная обтянутая бархатом кушетка, рядом с ней — внутренний телефон, по которому можно было вызвать продавщиц. Миссис Марч представила, как они хихикают и перешептываются

прямо за дверь. Все в этой примерочной, включая ковер, было сочного розового цвета и напоминало липкую жвачку, которую надувает пузырем пятнадцатилетняя девчонка. Бюстгальтер, который для миссис Марч выбрали продавщицы, вызывающе покачивался на обтянутой шелком вешалке, висевшей на двери примерочной. Он был мягким, легким, и от него приятно пахло, как от взбитых сливок. Она прижала кружевную вещь к лицу и понюхала, потом робко коснулась блузки, но не смогла заставить себя раздеться и примерить этот изящный бюстгальтер.

В конце концов она купила белье в небольшом магазинчике в деловой части города; его владелицей оказалась прихрамывающая женщина с многочисленными родинками, которая правильно определила размер бюстгальтера миссис Марч, только один раз взглянув на нее в одежде. Миссис Марч очень понравилось обслуживание — как хозяйка магазина обхаживала ее, делала комплименты ее фигуре, а что еще лучше, ругала фигуры других клиенток, периодически разочарованно восклицая «Ой-вей!»¹. Женщины в этом магазинчике смотрели на дорогую одежду миссис Марч с буквально осязаемым желанием. Больше в «Блумингдейлс» она не возвращалась никогда.

Теперь, стоя в очереди в кондитерской, она посмотрела на перчатки, которые держала в руках, потом на свои ногти и огорчилась из-за того, что они такие сухие и потрескавшиеся. Она снова надела лайковые перчатки, потом подняла голову и обнаружила, что кто-то влез в очередь прямо перед ней. Она по-

¹ «О й - в е й !» — фраза на идише, выражающая боль, недовольство, тревогу, раздражение.

думала, что женщина просто ошиблась, попыталась определить, не здороваается ли она с кем-то, уже стоящим в очереди, но нет, женщина молча стояла перед ней в очереди. Миссис Марч с беспокойством стала прикидывать, обратиться ли ей к женщине или нет. Влезать невежливо, если женщина на самом деле собиралась это сделать, но что, если она ошиблась? Поэтому миссис Марч ничего не сказала и вместо этого принялась жевать щеку изнутри (это была привычка, унаследованная от матери, от которой миссис Марч никак не могла отделаться) и жевала, пока женщина не расплатилась и не ушла и не подошла очередь миссис Марч.

Она улыбнулась стоявшей за прилавком Патриции — краснощекой женщине с большой копной волос, — которая заведовала кондитерской. Ей нравилась Патриция, ее она считала женщиной совершенно определенного типа — такими в романах бывают хозяйки гостиниц: полные, любящие крепкое словцо, но при этом добрые. Таких героинь можно встретить в романах у Диккенса — защищающих ораву бедных сирот.

— А, вот и самая элегантная женщина в зале! — воскликнула Патриция, когда миссис Марч оказалась напротив нее. Миссис Марч широко улыбнулась и повернулась, чтобы посмотреть, слышал ли кто-нибудь еще эти слова. — Как обычно, дорогая?

— Да, черный оливковый хлеб и... ну да, — кивнула она. — На этот раз я хочу еще взять две коробки пирожных макаронс. Большие.

Патриция начала суетиться за прилавком, собирая заказ, и перекинула пышные локоны с одного плеча на другое. Миссис Марч достала из кармана кошелек,

все еще мечтательно улыбаясь после комплимента Патриции, и стала поглаживать кончиками пальцев небольшие бугорки на его поверхности, обтянутой страусиной кожей.

— Я сейчас читаю книгу вашего мужа, — сообщила Патриция, временно скрывшись из виду, потому что согнулась за прилавком. — Я купила ее два дня назад и уже почти закончила. Не оторваться! Великолепная книга! На самом деле великолепная.

Миссис Марч придвинулась поближе, прижалась к стеклянной витрине, где были выставлены разные маффины и чизкейки, чтобы лучше слышать — в кондитерской стоял гул.

— О, — произнесла она, потому что не была готова к этому разговору. — Очень рада это слышать. Я уверена, Джорджу будет приятно это узнать.

— Я только вчера вечером говорила сестре, что знакома с женой писателя. Как она, должно быть, гордится.

— О да, конечно, хотя он до этого написал уже много книг...

— Но ведь он впервые написал свою героиню с вас?

Миссис Марч, которая все еще теребила в руках кошелек, внезапно замерла на месте. Ее охватило оцепенение. Лицо застыло, а внутри нее, как ей показалось, все, наоборот, превратилось в жидкость, и она испугалась, что из нее сейчас вытекут внутренности. Патриция ничего этого не заметила, поставила заказ на прилавок и пробила чек.

— Я... — выдавила из себя миссис Марч, ощущая боль в груди, словно там образовалась рана. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду... главную героиню, — улыбнулась Патриция.

Миссис Марч моргнула, и у нее отвисла челюсть. Она была не в состоянии ответить, мысли будто прилипли к черепу, несмотря на то, что она тянула их, словно они завязли в смоле.

Патриция нахмурилась — ее смутило молчание миссис Марч.

— Я, конечно, могу ошибаться, но... Вы с ней так похожи, что я подумала... Ну, я представляю вас, когда читаю книгу. Я, право, не знаю...

— Но... главная героиня... Разве она не... — Миссис Марч склонилась к хозяйке кондитерской и почти шепотом произнесла: — Она же *проститутка*.

Патриция в ответ громко и добродушно рассмеялась.

— Проститутка, с которой никто не хочет спать? — добавила миссис Марч.

— Да, конечно, но в этом и заключается часть ее очарования. — Улыбка застыла на лице Патриции при виде выражения лица миссис Марч. — Но в любом случае дело-то не в этом, а в гораздо большем, — продолжала она. — В том, как она говорит, ее манерах, даже в том, как она одевается.

Миссис Марч опустила глаза вниз, на свою длинную шубу, на лодыжки в колготках и начищенные лоферы с кисточками, затем снова подняла их на Патрицию.

— Но она же ужасная женщина, — сказала миссис Марч. — Она уродливая, глупая, она такая, какой я никогда не хотела бы быть.

Эти слова прозвучали несколько более эмоционально, чем она намеревалась их произнести, и на тестобразном лице Патриции появилось удивление.

— О, ну тогда... я просто подумала... — Она нахмурилась, покачала головой, а миссис Марч испытала к ней чувство презрения за ее идиотское выражение лица, за то, что она недоумевает и озадачена. — Я уверена, что ошиблась. Не слушайте меня, в любом случае я почти никогда ничего не читаю. Откуда мне знать? — Она радостно улыбнулась, словно этими словами решила вопрос. — Что-то еще, дорогая?

Миссис Марч сглотнула, к горлу у нее подступила тошнота. Она посмотрела вниз, на прилавок, где лежали коричневые бумажные пакеты с ее оливковым хлебом, маффинами на завтрак и макаронс, которые она заказала для запланированного на завтрашний вечер мероприятия — со вкусом организованной вечеринки для близких друзей (или, по крайней мере, самых важных людей из их окружения), чтобы отпраздновать выход последней книги Джорджа. Она бочком отошла от прилавка, глядя на перчатки, которые сжимала в своих уродливых руках, и с удивлением поняла, что снова их сняла.

— Я... знаете, думаю, что я кое-что забыла, — произнесла миссис Марч, делая шаг назад.

Те громкие звуки на заднем фоне, которые раньше казались безопасными, теперь превратились в заговорщический шепот. Миссис Марч повернулась, чтобы определить виновников. Улыбающаяся женщина за одним из столов встретила с ней взглядом.

— Простите. Я должна проверить...

Миссис Марч оставила пакеты на прилавке и стала пробираться к выходу сквозь петляющую очередь. Она проходила между людьми, а их тихие голоса звенели у нее в ушах, их дыхание, от которого пахло маслом, казалось горячим на ее коже, их тела почти прижи-

мались к ее собственному. Она предприняла отчаянную попытку толкнуть дверь и выйти на тротуар. Там обжигающе холодный воздух ворвался ей в легкие, и у нее перехватило дыхание. Она схватилась за ближайшее дерево. Когда звоночек над дверью в кондитерскую снова звякнул у нее за спиной, миссис Марч поспешила на другую сторону улицы, не желая поворачиваться на тот случай, если у нее за спиной окажется Патриция. Она не хотела поворачиваться и в том случае, если это будет не она.

Глава II

Миссис Марч быстро шла по улице без какой-либо конкретной цели, не своим обычным маршрутом; в любом случае в этот день ничего обычного не было без ее оливкового хлеба и маффинов на завтрак, которые она покупала каждый день. Она предполагала, что макаронс можно заменить чем-то другим — до вечеринки еще оставалось время. Или она может послать за ними Марту позднее. Ведь, в конце-то концов, Патриция с Мартой никогда не встречались, хотя у Патриции могут возникнуть подозрения, если Марта закажет то же самое, что заказывала она сама.

— Не могу послать Марту, слишком опасно, — произнесла она вслух, а мужчина, который проходил рядом, слегка подпрыгнул.

Она нашла это странным — то, что больше никогда не увидит Патрицию. Патрицию, которая постоянно присутствовала в ее жизни на протяжении многих лет. Конечно, она и представить не могла сегодня утром, когда натягивала колготки, выбирала темно-бордовую юбку, которая подходила к блузке цвета слоновой ко-